

УДК 82.09(=511.131)

Т. А. Ненашева, Т. П. Попова

КОНСТРУИРОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ УДМУРТСКОЙ ПОЭЗИИ

(на материале сборника стихов В. Ар-Серги «Дубрава на Луне»)

В статье исследуется проблема выражения этнической идентичности художественными средствами. Цель работы – изучение презентации этнического самосознания удмуртского этноса в русскоязычной лирике. Материалом исследования послужил сборник удмуртского билингвального поэта Ар-Серги. Исследуются когнитивные и аффективные компоненты этнической идентичности личности автора через изучение когнитивных образов и представлений, выявленных в процессе дискурсивного анализа сборника «Дубрава на Луне».

Ключевые слова: удмуртский этнос, современная удмуртская поэзия, Ар-Серги, этнические образы и представления, этнокультурная идентичность, когнитивный компонент, аффективный компонент, биэтническая идентичность.

Тема этнической идентичности вызывает сегодня научный интерес в связи с распространением конструктивистского подхода к этничности, понимаемой как составная часть социальной идентичности личности, как психологическая категория, относящаяся к «осознанию своей принадлежности к определенной этнической общности» [14. С. 128]. Предмет рассмотрения – поэтический сборник «Дубрава на Луне» (2007) современного удмуртского поэта Вячеслава Ар-Серги (В. В. Сергеева). Цель лингвокультурного исследования – выяснить, как автор в поэтическом дискурсе конструирует свою этническую идентичность. Стихи поэта интересуют нас как художественная форма проявления этнокультурного сознания автора на идейно-образном уровне: рассматриваются тематика и проблематика текстов, основные идеи и образы персонажей и лирического героя.

Заметим, что сборник «Дубрава на Луне» – это не авторский перевод с удмуртского: стихи изначально написаны на русском языке, что принципиально значимо с точки зрения целей нашего исследования. Ар-Серги позиционирует себя как удмуртско-русский поэт: «Разделите меня на две половинки и каждую из них назовите так, как вам заблагорассудится – русским или удмуртским, но тогда меня уже не будет ни как русского, ни как удмуртского поэта. Я полноценно живу в стихиях этих двух языков. И постоянно веду с ними диалог» [11]. Так, поэт эксплицитно

выражает свою биэтническую идентичность. В одном из стихотворений он пишет о себе, что он из «рода Шудзя», в другом – что есть у него «одежда, удмуртским шитьем серебрянная», – вербализуя приверженность традиционным ценностям удмуртского этноса. Вместе с тем этническая идентичность личности поэта не однозначна. По его убеждению, «стихи не должны сидеть дома, они должны летать высоко и далеко...» [11], преодолевая традиционную замкнутость своего этноса. Интересно замечание А. А. Арзамазова о том, что стихи В. Ар-Серги на русском языке «не совсем русские» [1]. И сам он в одном из интервью согласился с тем, что он, даже используя русский язык, говорит со своими читателями по-удмуртски:

– Можно ли сказать, что вы со своими читателями говорите по-удмуртски на русском языке?

– Пожалуй. Ведь он становится слышимым и для других, неизмеримо больших аудиторий. Отказаться от этого я не могу и не хочу [11].

Когнитивные образы в сборнике В. Ар-Серги «Дубрава на Луне» можно воспринимать как целенаправленное послание русскоязычному читателю, приоткрывающее для него не столь широко известный за пределами республики культурный мир удмуртского этноса.

Краткий, но емкий портрет представлен в стихотворении «Удмурт», герой которого подобен реке, на берегах которой испокон веков живет народ, за внешним спокойствием и неторопливостью которого кроется внутренняя жизнь, полная противоречивых эмоций и переживаний.

Гляди-ка на
– Каму – спокойная,
и даже с ленцою
– река. А в глуби – стремительное время
Какие
Воздвигает торока!

Поэт передает неброскую красоту природы родного края: «поле, лес, да речной пережат», «бледное солнце», «хрустящий белый снег». Описания его поэтичны и полны грусти: «Там прудик, уснувший в снегу, и отчий дом, седеющий в логу», «Белеса синева небес, вобравшая истому ледохода». Ностальгические чувства поэта вызваны реалиями, относящимися скорее к прошлому, чем к настоящему: серый от старости дом, полынья, самоварчик, самокрутка, герань на окне. Порой сквозят фольклорные мотивы: «Бережок мой, бережок, речки шалой пастушок. Под волною – Водяной...». Мотив родины в лирике поэта чаще связан с уходящим временем, с прошлым. Тяга к родным местам, к земле предков лейтмотивом проходит через весь сборник:

А на заре порыжеет лесок,
Бледное солнце засветит ложок
...Манит дорожка верных следов.

Но жизнь уходит из родных мест, земля предков находится в запустении: родовое гнездо стало «захудалой деревней», родимые избы исчезли, удмуртские песни отпелись, «в деревне остались четыре избы». «И не видно уже на реке рыбарей,

плясуны и певцы огрузнели». «Домик отцовский пущен на слом», а единственное примечательное место в деревне – «утлый, нищий музей»; «Пепелище родное мягко подо мной». Описаниям малой родины свойственен мотив умирания, смерти:

Ах! Земелька моя!
Ты – комками кутя.
...Здесь жить – невозможно, не жить – упокойно.

Уходящий мир представлен в образе старого удмурта-язычника, думающего о предстоящей встрече с Вышним. Смерть для старика – избавление от кокона чуждой ему современной действительности и воссоединение с духовно близкими предками. Языческие мотивы звучат в образе бабочки, в которую, по удмуртским преданиям, превращается душа умершего:

...Удмуртских богов хоровод
Допевал, допивал, добивал –
Старичок обходил небосвод,
За собою старух зазывал.
О том, помогли чтобы Духи ему
Кокона обруч, как гипс разорвать
И бабочкой став, в небесах полетать,

В описании любимых мест звучит обреченность, происходящая от осознания скудости и бедности родной земли, где только «корявый лесок», «унылый кустарник, болота, песок», бесконечные дожди и нужда: «Спятила осень с ума, разверзлась дождями пустая сума»:

И вот уж я здесь...
Видно, где-то жестоко грешил,
Коль Создатель сюда поселил,
Где два месяца лето и рожь
На хлеба на свои не пожнешь.

Порой унылая грусть в описаниях родного края сменяется возгласом отчаяния: «...Коль я в аду, то почему?». Но отнюдь не отсутствием патриотизма вызваны строки поэта, они продиктованы болью за родной край и упадком духа, которые прячутся за показной иронией:

Ну почему же я не гриб
На той же, скажем, Лире?
Иль, скажем, не мангуст
на Альтаире?

В противовес ностальгическим описаниям сельского пейзажа, город предстает в стихах Ар-Серги как среда, враждебная традиционному удмуртскому укладу, что в сборнике выражают три героя: *Бакча сульдэр*, старушка и лирическое Я. *Бакча сульдэр* не приемлет город, «аплодирует он тишине, стоя спиной к содомским городам». В стихотворении «Фармазону моему...» город предстает

как царство зла, обмана и разврата: на семи холмах царят суета и хаос: «народ там весь – шалелый», а улица полна «...злодеев, шалав и прохиндеев...», в заботе о сиюминутном люди забыли о боге. Лирический герой воспринимает шумный, дымный город негативно, как «амбиций, алчности и горя маскарад». Местами прослеживается аллюзия к стихотворению А. Блока «Фабрика», усиливая ощущения враждебности города человеку:

Сновали люди там и сям,
Уткнувши долу взгляд,
Завод гремел свой тарарам –
Смертельное оружие куется
на парад,
Амбиций, алчности и горя
маскарад.

Вместе с тем лирический герой ощущает свою принадлежность городу:

Ижевск, это – я,
Корабля твоего
сухопутный матрос.

Возвращаясь в родной город из дальних стран, поэт восклицает:

«Как мил у нас унылый постовой
И ярок улиц скромненький наряд».

Так соседствуют в душе поэта неприятие к современному городу и преданная любовь к нему.

Горькие размышления о судьбе своего народа выражает Ар-Серги в стихотворении «*Бакча сульдэр*» (название это сам поэт переводит с удмуртского так: «ранее – полевой оберег, ныне – огородное пугало»). «Пригвожденный в землю родную», в шляпе самокатной (т. е. катанной в домашних условиях), в рубаше из ткани, сотканной в XVI в., с головой, «набитой мыслями, никому не досужими», *Бакча сульдэр* сегодня кажется нелепым и ненужным осколком прошлого, он объект насмешек и праздного пустословья. За свою жизнь он перенес многое, однако «разве пристанет к гусю вода»? *Бакча сульдэр* сохранил самобытность и самодостаточность; полова (мякина), которой набиты его голова и тело, – «она там же, поныне, где надо». С философским спокойствием взирает герой на этот мир, чуждаясь его мудрости и довольствуясь своей:

Полова – как полова, чего ее смотреть,
мудрецам недосуг веять чужое
– хватает свое.

В восприятии Ар-Серги удмурт – «человек, который не хуже и не лучше других, но сам он – другой среди других» [11], он чувствует себя неуверенно в огромном разноязыком мире, живущем по иным законам, и понимает, что рассчитывать можно только на себя:

С рожденья в кокон спеленутый –
Маленькой земли своей родной,
Чужим языком и чужими людьми
Как в потоп окруженный...

Об этой важной составляющей менталитета удмуртов (уход в себя, отгораживание от остального мира, который воспринимается как враждебная среда, и неприятие всего чужого) пишут исследователи удмуртского этноса [13. С. 129–130]. Обратной стороной является усиление корпоративного духа. В стихах Ар-Серги удмурт осознает свою обособленность от остального мира и свой собственный путь развития:

Притулилась деревня моя
К огромному шару земному.
Одиноко лежит колея,
Параллельная тракту большому.

Поэт говорит о робости, стеснительности, бессловесности своего народа:

А что же народ здесь
бедный такой,
бессловесный такой...?
Безмолвствует он.

Такие характеристики коррелируют с результатами исследований этноменталитета финно-угорских народов в целом. Так, А. Г. Дугин видит в консерватизме и стремлении к гармонии с окружающим характерные черты всех финно-угорских народов: «Финно-угры... представляют собой отчаянный тысячелетний труд этносов, направленный на то, чтобы не замечать того, что с ними происходит, и сохранить в равновесии и неизменности привычный социокультурный, хозяйственный и религиозный уклады» [8. С. 422]. В. Е. Владыкин обращает внимание на то, что «в удмуртских заклинаниях-куриськонах совершенно отсутствует мотив активного переустройства социальных отношений, противоборства с несправедливостью, напротив, всячески подчеркивается смирение, готовность подчиниться существующим, пусть и несправедливым порядкам, законопослушание» [5. С. 305–306]. И. М. Вельм считает, что «исторически обусловленный ментальный тип удмуртов оказывается близким сенситивному складу личности (с низкой и заниженной степенью самооценки, неуверенной, восприимчивой к искренности и теплоте отношений, теряющей активность в стрессовой ситуации, зависимой и т. д.)» [5. С. 127]. Впрочем, работы последних лет, написанные в рамках конструктивистского подхода, относят качества, традиционно считающиеся характерными для удмуртского этноса (мягкость характера, скромность, робость, стеснительность), не к собственно этническим признакам, а к типичным чертам сельского жителя России [10].

Размышления Ар-Серги о судьбе удмуртского народа метафорически часто выражены через мотив дороги, не раз повторяющийся в сборнике. Так, название стихотворения «Генорельс» (неологизм по аналогии со словом *монорельс* –

железная дорога, в которой используется один несущий рельс) – это путь, по которому движется удмуртский народ, как дорога, заранее предначертанная ему. На первый взгляд, в этом выражается этнонигилизм, часто называемый признаком удмуртского менталитета [см., напр.: 6, 12]: поэт сетует, что все у народа получается не так, как надо.

И как геройски б ни работали –
Все делаем не так,
Как звонко песни и ни пели бы –
Все делаем не так.

Однако последние строки стихотворения («вроде – как люди живем») говорят о том, что рефрен «все делаем не так» – это оценка со стороны. Просто удмурты живут в иной системе ценностей, отличной от общепринятых, как бы говорит поэт.

Восприятие автором места удмурта в современном мире ярко выражено в пронзительном по своему трагизму стихотворении «Детская считалочка почемучки». Слова, вложенные в уста ребенка, поражают парадоксальным сочетанием наивной простоты и трагического ощущения безысходности, неприкаянности и одиночества.

«– Мама, милая анай,
Почему мы так бедны
И даже конфет не бывает
У нас на столе?
– Мама, милая анай,
Почему все богачи говорят только по-своему
И не любят наш язык?
– Мама, милая анай,
Почему из нашего села
уже семеро мужчин повесились на соснах?..»

Ответ матери проникнут ее убежденностью в несовместимости менталитета удмуртов с современным образом жизни. В нем также звучит ответ и на вопрос в стихотворении «Генорельс»: «почему все не так».

...Потому что мы – удмурты. Мы пришли сюда из далекой Звезды
и мало мыслим в здешних законах... Мы умеем
только работать на своих маленьких кусочках земли
и любить их, но не умеем торговать.

Эти слова, очевидно, древние представления финно-угорских народов о Полярной звезде как центре мироздания. Снова проступает мотив противопоставления удмуртского этноса остальному миру. Вспомним также строки поэта о дальних звездах, где он был бы более счастлив, чем на Земле, и увидим, что это – отголоски картины идеального мира удмуртов, описанного культурологами на основе фольклорного материала: счастье возможно только на небе, в мире предков. Окружающая действительность является источником боли, горечи и вызывает обиду. Исследователи удмуртского национального характера называют обидчи-

вость одной из черт, присущих удмуртам, и указывают на то, что понятия обида, досада, печаль и скорбь очень тесно связаны в языковом сознании: «В удмуртском языке эти понятия не разводятся по значению, например: *жсжс* ‘досада, обида, огорчение; печаль, грусть’; *жсжстйськон* ‘обида; огорчение; жалоба’; *кйтжсжс*, *кйткур* ‘обида, досада; печаль, скорбь’; *кйтжсжсан* ‘обида; печаль’; *кйткуректон* ‘обида, досада; печаль, скорбь’» [9. С. 22].

По данным статистики и современных социологических исследований, детские вопросы считалочки – отнюдь не плод поэтической фантазии, а указание на самые болевые точки современной удмуртской действительности. По статистике, число суицидов среди финно-угорских народов значительно превышает критический уровень. Культурологи видят причину этого в том, что ментальность удмуртов взаимоисключает стремление к гармонии с миром и рефлексию. Стремление к бесконфликтному существованию в этносоциальном окружении приводит к зависимости от него, рефлексия же требует осмысления своего места в системе современной цивилизации. «В этих условиях внутренняя психологическая жизнь индивида становится ареной постоянной борьбы, сомнений, конфликта со своим “Я”, что приводит и к трагическим деформациям личности, в современных кризисных условиях это проявляется в таких негативных явлениях, как алкоголизм, суицид, к сожалению, весьма характерных для всего удмуртского этноса» [13]. Не случайно в «Детской считалочке» нет и намека на возможность какой-то борьбы для изменения трагического положения, а единственная надежда – в присоединении к миру предков.

Мы все опять
– скоро улетим...
– На нашу Звезду?
– Нет, подальше...

При описании родного края у поэта превалируют такие семантические доминанты, как «уходящее время», «безысходность», «смерть». Но бедный, умирающий, невзрачный край с неослабевающей силой тянет его к себе, поэт «... прикован душою к этой дороге» и сопротивляться такому чувству он не в силах:

Но в спину толкает постылый порог
И посох представил корявый лесок.

Только здесь, в месте обитания предков, может лирический герой помочь «себе, заблудшему», сбросить все наносное и обрести истинного себя.

Анализ поэтического сборника позволяет сделать некоторые выводы об аффективном компоненте структуры этнической идентичности личности автора. Этот компонент включает в себя следующие индикаторы: чувство принадлежности к своей этнической группе, оценка ее качества и отношение к членству в ней [14]. Как показано выше, лирика Ар-Серги представляет собой богатый материал об оценке автором своего этноса. Удмурт в его репрезентации – человек самодостаточный, с богатой внутренней жизнью, скрытой за внешним спокойствием и неторопливостью. Но деревня – традиционная среда обитания удмуртского этноса – пустеет и разрушается, сельскому укладу приходит конец. Уходят носители народ-

ной культуры и языческих традиций. Поэт не видит возможности интегрирования своего этноса, с его сельским укладом, в современную действительность. Город видится как средоточие порока, как среда, противопоставляемая традиционным народным ценностям. Напомним о нередко встречающемся в научной литературе мнении об этнонигилизме удмуртов [см., напр.: 6]. Как известно, этнонигилизм характеризуется отрицанием собственных этнических ценностей в результате осознания низкого статуса своего этноса. На наш взгляд, трагическое восприятие поэтом Ар-Серги современной удмуртской действительности, которое может быть воспринято как осознание низкого социального статуса этнической группы, – это, скорее, проявление рефлексии, столь характерной для удмуртского менталитета. Заметим, что в прозаическом очерке о менталитете удмуртов с красноречивым названием «Мои засечки удмуртским топором» В. В. Сергеев создает гораздо более гармоничную картину мира своего народа: удмурт описан как тонко чувствующий человек, с присущей только ему «системой внутреннего такта», основанной на народном этикете, готовый к сочувствию и соучастию. Превыше всего он ценит жизненное равновесие и гармонию с самим собой, не стремясь ни к богатству, ни к славе, ни к почету. «Удмурт неторопливо и за-пасливо шагает в непонятно куда» [3]. В целом прозаическое описание удмуртского народа носит у автора философский описательный характер, тогда как в поэтическом сборнике воссозданный образ трагичен по своей сути. Трагическое мироощущение лирического героя, возможно, связано с тем, что этническое самосознание поэта сосредоточено на самых болезненных для него реалиях действительности и чертах этноса.

В результате нашего анализа языковых средств выявлены следующие средства конструирования удмуртской этнической идентичности:

- удмуртские слова в русском тексте (*Бакча сульдэр* – полевой оберег, *кумышка* – удмуртский алкогольный напиток, *Сябась!* – удмуртская здравница к чарке (тост), *анай* – мама);
- удмуртские поговорки (*Он пьет в свою голову*, то есть не буйнит);
- этнотопонимы (*Удмуртия, Ижевск, Кама*);
- термины родства (*матушка, бабушка, бабка, дедушка, предки*) и личные имена родственников (*дед Федор Дмитриевич Шестаков*);
- имена удмуртских поэтов (*Владимир Романов, Михаил Федотов*);
- слова, указывающие на языческую веру удмуртского этноса («*Язычник*», «*Языческий апокриф*»);
- языческие символы и божества (*Луна, Солнце, Духи*);
- названия животных, деревьев, птиц и пр., как имена собственные: *Медведь, Конь, Сосна, Соловей*;
- удмуртские мифологические образы (*бабочка: душа «бабочкой став, в небеса полетела»*);
- слова, относящиеся к сельскому быту (*самовар, завалинка, самокрутка, полова*).

На фонетическом уровне отметим использование мелодико-ритмических средств построения поэтической формы на основе фольклорных удмуртских песен.

Эти лексические и интонационно-ритмические единицы позволяют говорить о соотношении автором себя с удмуртским этносом на когнитивном уровне: на знании родного языка, литературы, мифологического творчества, песенного фольклора, языческого религиозного сознания. Вместе с тем в поэтическом сборнике использованы многочисленные лексические средства, отражающие культурные реалии российской и мировой действительности и репрезентирующие выход самосознания поэта за пределы своей этнической группы. В основном это полинациональные антропонимы, принадлежащие мировой культуре и формирующие мировой фонд значимых имен. Широка и разнообразна в стихах поэта палитра географических названий: встречаются топонимы *Балтийское море, Каспийское море, Сааремаа* (эстонский остров), *Кавказ, Бискай* (Бискайский залив). Поэт хорошо знаком с греческой мифологией (*Вакх, Морфей, Ариадна*), оперирует образами и именами персонажей классической европейской литературы (*чистилище Дантова, Ахав* (герой романа Г. Мелвилла «Моби Дик») и библейских персонажей (*Мессия, Пророк со змием на руке*), владеет европейскими языками (*се ля ви, English*) и языками соседних народностей (*Шубашкар*, т. е. Чебоксары). В кругу его чтения – писатели от древнегреческих (*Гомер*) до современных российских (*Виктор Ерофеев, Пригов, Парицков, Роберт Минуллин*). Автор конструирует свою бизтническую идентичность, соотнося себя с удмуртским этносом, и в то же время позиционируя как принадлежащего к российской интеллигенции, чем создается позитивная этническая идентичность.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Арзамазов А. А. Эволюция образной системы и лингвосемантические трансформации в удмуртской поэзии (вторая половина 1970 – начало 2010-х гг.): Дисс. на соиск. уч. ст. доктора филологических наук. Ижевск, 2015. 567 с.
2. Ар-Серги Вячеслав (Сергеев В. В.). Дубрава на Луне. Стихотворения. Ижевск, 2007. 128 с.
3. Ар-Серги В. А вы и не спрашивали... Мои засечки удмуртским топором // Луч. 2007. № 11–12. URL: <http://elibrary.unatlib.org.ru/handle/123456789/6288>
4. Бакланов И. С., Душина Т. В., Микеева О. А. Человек этнический: проблема этнической идентичности // Вопросы социальной теории. 2010. Т. IV. С. 396–408.
5. Вельм И. М. Этнический менталитет как феномен культуры (на материале удмуртского этноса): Монография. Ижевск: Издат. дом «Удмуртский университет», 2001. 207 с.
6. Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск, 1994. 384 с.
7. Дмитриева Т. Б., Положий Б. С. Этнокультуральная психиатрия. М.: Медицина, 2003. 448 с.
8. Дугин А. Г. Этносоциология. М.: Акад. Проект, 2011. 634 с.
9. Душенкова Т.Р. Куата пуйы – вог пуйы, или отношение к обиде в удмуртском языковом сознании. // Ежегодник финно-угорских исследований. №3, 2014. С 15-24.
10. Кардинская С. В. Удмурты об этнической идентичности (опыт пилотажного исследования) // Социологические исследования. 2005. № 5. С. 100–105.
11. Многоязыкая лира России. Крути педали, велосипедист. – Интервью с Народным писателем Удмуртии Вячеславом Ар-Серги // Литературная газета. 2010. № 47–48. URL: <http://old.lgz.ru/publication/185/>

12. Никитина Э. В. Этноменталитет удмуртов / Эл. база данных «Национальные менталитеты: их изучение в контексте глобализации и взаимодействия культур» под ред. А. В. Павловской и Г. Ю. Канарша.

13. Петров А. Н. Удмуртский этнос: проблемы ментальности. Ижевск: Удмуртия, 2002. 144 с.

14. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология: Учебник для вузов / Т. Г. Стефаненко. М.: Аспект Пресс, 2009. 368 с.

Поступила в редакцию 25.05.2016

T. A. Nenasheva, T. P. Popova

**Constructing Ethnic Identity in the Modern Udmurt Poetry
(Based on the Collection of Poems by Vyacheslav Ar-Sergi
“An Oak Forest on the Moon”)**

The article focuses on the formation of ethnic identity by linguistic means. The paper specifies the ways the ethnic identity of a personality is contextually constructed in poetry. The linguistic research of the collection of poems “An Oak Forest on the Moon” written in Russian by a bilingual Udmurt poet is undertaken. The discourse analysis of the texts is used to study the cognitive images and perceptions that serve as the means of creation of the cognitive and affective components of ethnic identity.

Keywords: ethnic identity, Udmurt ethnicity, modern Udmurt poetry, Ar-Sergi, ethnic images and ideas, ethnic and cultural identity, cognitive component, affective component, bi-ethnic identity.

Ненашева Татьяна Александровна,

кандидат филологических наук, доцент,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

603052, Россия, г. Нижний Новгород, Сормовское шоссе, 30

E-mail: tnenasheva@hse.ru

Попова Татьяна Петровна,

кандидат педагогических наук, доцент,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

603052, Россия, г. Нижний Новгород, Сормовское шоссе, 30

E-mail: tpopova@hse.ru

Nenasheva Tatiana Aleksandrovna,

Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor,

National Research Institute «Higher School of Economics»

603052, Russia, Nizhny Novgorod, Sormovo highway, 30

E-mail: tnenasheva@hse.ru

Popova Tatiana Petrovna,

Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor,

National Research Institute «Higher School of Economics»

603052, Russia, Nizhny Novgorod, Sormovo highway, 30

E-mail: tpopova@hse.ru